

Европы, Японии, а исследовав свою суверенную Луну, обнаружили, что моря её без воды, долины без растений, а небо без атмосферы. И возникла идея возвращения Луны на Землю, подключения её к живительным, плодотворным энергиям праматери. Идея возрождения. Притча о блудном сыне. Сказка о живой и мёртвой воде.

Встраивание в мировое сообщество громадного евразийского материка СССР невозможно. Нет такого космодрома, куда мог бы приземлиться наш обугленный, утомлённый полётом "Буран". И Запад готов принимать нас только по частям, по кусочкам, чем меньше — тем лучше. Доктрина встраивания подразумевает расчленение СССР на республики, регионы, отдельные зоны, города, городки, хутора, на отдельные индивидуальности. Нас примут расчленёнными, трансплантируют поэлементно в живые организмы Запада.

Встраивание предполагает насилие. Народ, пролезший однажды сквозь игольное ушко социалистического строительства, сточивший с себя слои культуры, веры, потерявший десятки

ми прежних школ и воззрений, философских и религиозных течений, экономических и социальных культур, эстетических и научных учений. Всё было срезано под корень, и вместо леса, вместо грандиозной, славной на весь мир культуры, русского духовного ренессанса, запоздало и мощно расцветшего, вместо всего этого — гнилые скользкие пни, нефтяная слизь болота.

Ещё недавно казалось, что так будет всегда, навеки. Но чудо — некоторые пни зазеленели, от некоторых ржавых корней кинулась вверх молодая поросль. Мы начали узнавать по клейким, молодым листочкам породы прежних деревьев.

Будущая идея развития, будущая формула нашего бытия скрывается в будущем, ещё не возросшем лесу нашей истреблённой культуры. Только взрастив всю флору наших идей, дав ей сомкнуться в живой, трепещущий свод, мы сможем расслышать в гуле и шуме вершин истинное слово нашей жизни. А до этого всё будет ошибка, конвульсия парализованного катастрофой ума.

Надо сознательно перестать торопиться. Пойти на потерю социального времени. Потратить весь следующий век на взращивание культуры. Надо перестать мыслить пятилетками, кампаниями, от съезда к съезду, от лидера к лидеру, и вновь научиться мыслить столетиями. Леса вырастают за столетия. Царства создаются столетиями.

Главный, основной тип человеческой личности должен отказаться от черт железного вождя,

— 1989

2019 год. Росгвардия разгоняет несанкционированный митинг оппозиции

миллионов соотечественников, вторично должен проделать этот путь в обратном направлении, и сделает он это только под воздействием силы. Нас погонят в царство свободы жезлом железным. Нас повернут в рай, исцелитовав перед этим на плахе. Стальные вожди либерализма вырезают на наших глазах, либеральные писатели и историки готовят себя в министры внутренних дел.

Другая модель, несущая в себе черты реальных проработок, — неосталинистский прорыв сквозь отсталость, деградацию, хаос. Сталин, получив в управление разорённое, обнищавшее, государство, страшно и безжалостно обобрал народ, сконцентрировал добытый в ограблении продукт в локальных Центрах, прорвался сквозь эти центры в индустриальное общество, дognав на отдельных стратегических направлениях развитые страны мира. Сегодняшняя неосталинистская политика предполагает вторичный побор, вторичное обирание народа, с тем, чтобы пополнить нашу оскудевшую казну, собрать по сусекам ресурсы и в тех полосках развития, где ещё кипит интеллектуальная и технологическая жизнь, совершить прорыв в постиндустриальное общество, прикоснуться к Японии и Америке на главных направлениях, превратив при этом остальные зоны страны в нищенствующий организованный лагерь, подчинённый футурологическим целям. Этот ход, эта программа развития, как и первая, предполагают насилие, тоталитарный строй, жёсткую упрощённую организацию всех сфер бытия.

Так намерены действовать наши горяпящиеся вожди-интеллектуалы, предлагага свои рецепты и способы выхода из катастрофы.

И что же? Нам есть, из чего выбирать? Откажемся от иррационального, уже бесполезной любви к государству ради индивидуального спасения и блага, ради "маленького "человечка", который есть центр и вершина вселенной? Или, в который уж раз, презрим себя, нашу малую смертную жизнь ради могущественного, пребывающего в веках государства?

Увы, народ не вынесет больше насилия. Ни того, ни другого. Подавленный, загнанный с улиц и митингов в свои общежития и бараки, впряжённый в железное ярмо, повинувся грозному вознице, указующему путь на Сан-Франциско или Магадан, народ не сойдётся с места: просто упадёт, умрёт, растает, ибо усталость народа велика, становая жила его порвана в прежних экспериментах, и он предпочтёт умереть под ударами жезла железного, но больше не трогать с места эту чужную колымагу, застрявшую среди льдов и пустынь.

Как же нам быть? Во что верить? Каким речам внимать?

Есть третья, похожая на утопию картина, отталкивающая натуры деятельные своей прозрачностью, нематематичностью, неконкретностью. Третья модель развития, исключаящая диктатуру и смерть. Её не услышишь на митингах, не прочтёшь о ней в модном журнале, не отыщешь на философских симпозиумах. Но она возможна, предчувствуется. Она где-то рядом, но не в залах, не на выставках, не под ярким светом прожектора. Она — в подвале, на чердаке, в гнилой закопчённой баньке, неприязнательная, прячется, клоченая, с пюзыриком на устах. Её нужно искать, выкликать осторожно, не в мегафон, а в тихую детскую дудочку.

Наше общественное сознание представляет собой голую лесосеку с гнилыми, чёрными пня-

блистательного воина, волевого командира и менаждера. И обрести черты садовника, лесника, пастыря. Он должен обходить в непрерывном добром дозоре своё оскуделое царство и взращивать, лелеять, поливать усыхающий стебель, подпирать ломающийся. Этот забытый тип должен возродиться на нашем народном пепелище. Его ждёт, желает народ.

Мы живём с топором в спине. Мы оплели этот топор своей живой тканью, обтанули его своей живой кожей, но, шагая, чувствуем его лезвие под сердцем. Основная, насыщающая задача сегодняшнего общественного сознания — это немедленно провозгласить гражданский мир, выработать теорию гражданского примирения, не дать разразиться гражданской бойне. Надо вырвать из спины топор. Надо остановить, заговорить пролившую в недрах нашей семидесятилетней истории кровь. Она, эта пролитая кровь, вопиет, разрушает все наши начинания, туманит безумием глаза. Надо, наконец, снести в общую братскую могилу красивые и белые кости. Надо отслужить на этой могиле всенародную поминальную тризну, устроить братание и великое целование. Положить предел распре. Именно на этой братской могиле сойдутся сегодняшний генерал и священник, партиец и "неформал". Именно на этой могиле будет выращена культура-растростерпница, тот будущий сад идей, в котором родится Истина.

Утопия есть сверкающая тень катастрофы. Если нам суждено уцелеть и разрушение государства и общества будет остановлено, пусть первым деянием власти станет вселенное, провозглашённое с лобного места, примирение. Пусть никто не будет призван к ответу. Виноваты не нынешние люди, а пролитая прежде кровь.

Трагедия централизма есть трагедия пролитой крови. Она на всех нас. Искушение пролитой крови есть проблема культуры, морали, религии. Есть главный центр нашего измученного бытия. Если случится страшная, немыслимая для русского сознания беда, и расколется государство, и обобранный, обманутой своей тысячелетней историей народ окажется вдруг один, а недавние "братья", расхватав пожитки, кинутся в свои "национальные шлюпки" и уплывут с накренившего корабля, — что ж нам некуда уходить. Изнемогие, потерявшие капитанов, со сломанной рубкой и разбитым компасом, мы спустимся, стар и млад, в полузатопленный трюм и станем откинувшись воду, затыкаят своими телами бреши, крепить корабельный остов; мы выправим крен, восстановим надстройки и мачты, найдём среди клубящихся туч Полярную, указующую, звезду. Станем плыть.

Русская государственность, воплощая "русскую идею" политически, экономически и духовно, будет построена заново. Она собирает в себя всё лучшее из долгого тысячелетнего царства и мгновенно пролетевшего семидесятилетия советской истории. Уже сегодня невоспетованные перестройкой умы сложили концепцию нашей будущей экономики, образовательной системы, общественных институтов, глобальных связей русских с миром. Мы будем долго вставать, встанем страшно избитые, в переломах и вывихах, но не ожесточённые, а умудрённые.

Народ наш в душе своей светел, трудолюбив и смеллив. Подключён своим духом к земным и небесным энергиям. Не в час корабль русской государственности будет построен, не в день собор народного идеала будет воздвигнут. Но есть чертежи и работники.

Об этом же — после.

Алексей ГОНЧАРОВ

ОТ АТАТЮРКА ДО ЭРДОГАНА

Заметки о Турции

Окончание. Начало — на стр. 1

КУРС НА ЗАПАД

Чтобы нащупать пульс нынешней ситуации, окунёмся в историю. Создатель современной Турции Мустафа Кемаль-паша Ататюрк в своё время полностью зачистил политическое пространство и решил сделать Турцию западным государством. Настолько западным, что ношение национальной одежды было запрещено, а язык и шрифт подверглись кардинальным реформам. Ататюрк поначалу дружил с Советским Союзом, но к концу его правления все просоветские деятели отошли на задний план, а после смерти политика в 1938 году торговля между нашими странами была почти свёрнута.

После Второй мировой войны Сталин принимал попытки наказать Турцию за обеспечение Германией стратегически важных ресурсов: хлопком и хромом с молибденом. Без поставок двух последних германская броня была бы гораздо худшего качества. Кроме того, немецкие шпионы засыпались на Кавказ именно через турецкую границу. Поэтому Сталин разорвал договор о дружбе и предъявил ультиматум: Турция должна предоставить Советскому Союзу базы в проливах и отдать Карс и Ардаган — территории, бывшие в составе Российской империи с 1878 года и отошедшие к Турции по Московскому и Карскому договорам 1921 года. Это были очень суровые требования по сравнению хотя бы со Швецией: шведы тоже поставляли ресурсы Третьему рейху, но к вступившей в ООН в 1946 году Швеции территориальные претензии не предъявлялись.

Турки долго пытались вести переговоры, обещали соблюдать нейтралитет и закупать у нас партии оружия, но, обнаружив концентрацию советских войск у себя на границе, пошли "на поклон" к США. В 1946 году в Турцию прибыл американский флот, тогда же в стране появилась марионеточная Демократическая партия. В 1950-м в результате "выборов" она пришла к власти и сразу же взяла жёсткий курс на вступление в НАТО. Договор Североатлантического альянса с Турцией был менее равноправным, чем с другими государствами, вступавшими в НАТО. Американские военные базы на её территории получили полную экстерриториальность, став, по сути, территориями США. Например, американских военнослужащих не имела права задерживать турецкая полиция — только американский патруль. Турок отправили воевать в Корею, где их бросали на самые сложные направления, они несли самые большие потери. Турция навязала американским специалистам, кредиты на покупку заокеанского оружия и автомобилей. Строительство и техническая поддержка железных дорог были прекращены, так как они строились по советским технологиям. Турецкая Республика была оккупирована: физически, морально, экономически. И, как следствие, — переворот 1960 года, который совершили офицеры, воспитанные в духе кемалистского национализма. За ним последовал переворот 1971 года. В легальном политическом поле до 1974 года находились только ультралиберальная проамериканская партия и так называемые кемалисты.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭРДОГАНА

Но в 1974 году ситуация изменилась в связи с событиями на Кипре. Ещё в 1960 году, когда он обрёл независимость, Греция объявила о претензиях на этот остров, назвав его исконно греческой территорией. Турки же настаивали на независимости новоявленного государства. США, желавшие разместить военные базы на Кипре, естественно, поддерживали присоединение Кипра к Греции — члену НАТО. Поэтому Америка негласно сделала ставку на греков-националистов. Те высидились на Кипре, подняли войска и стали резать турок. Турки, в конце концов, не выдержали: в 1974 году высадили войска на кипрских берегах и расторгли договор об американских военных базах (сейчас их, кстати, всего две, и у них другой статус: это совместные базы, над которыми развеваются одинаковые по высоте турецкие и американские флаги.)

Тогда же, в 1970-е годы, на политическом поле объявились первые исламисты — маргинальная группа, набравшая на выборах не более 1,5% голосов и состоявшая в основном из мелких бизнесменов. В их среде и началась политическая карьера Эрдогана в качестве организатора исламистских митингов, направленных против коммунистов.

Существенный рост политического влияния исламистов пришёлся на 1990-е годы. Тогда стоявшие у власти турецкие либералы ориентировались исключительно на сближение с Западом, вступление в ЕС и продолжение интеграции в НАТО с целью стать "смотрящими" за Ближним Востоком в качестве союзника США. Шла интенсивная поддержка чеченских боевиков — в ожидании, что при развале России часть Кавказа отойдёт Турции.

Мощное исламистское движение 1990-х во многом базировалось на демографическом факторе, и эти силы смогли перехватить социальную повестку, заговорили о необходимости социальных реформ. В 1994 году Эрдоган стал мэром Стамбула, будучи относительно молодым политиком. При нём стали появляться парки, образовательные курсы для женщин, — словом, проводилась какая-то социальная политика.

Так как исламистская партия продолжала пребывать под запретом, Эрдоган совершил своеобразный манёвр: уйдя от исламизма, он, по сути, воссоздал эту партию, скрепив её идеологию с ориентацией на вступление в ЕС и сопутствующей этому либерализацией. Он убедил Буша, что главная цель Турции — подконтрольная США борьба с международным терроризмом, цветущего пышным цветом на Ближнем Востоке. И американцы сделали ставку на "новых исламистов" Эрдогана: на выборах 2002 года он получил 33% голосов, несмотря на то, что из-за короткого срока не имел права в них участвовать.

РОССИЯ — НЕ ВРАГ

В 1990-х появился "на горизонте" и общественный деятель Фетухуллах Гюлен (его экстремистские книги запрещены в России. — ред.), которому поручили строительство школ на постсоветском пространстве (они впоследствии получили название "полюновских"). Школы Гюлена в странах СНГ были прямым продуктом США; например, преподаватели английского языка в Средней Азии были сплошь из США. Турция, по мысли заокеанских стратегов, должна была стать "смотрящим" за республиками Средней Азии, пресекая российское влияние на эти республики. Но вскоре выяснилось, что советское наследие и российское влияние очень велики.

Например, турки, считая себя первопродками огромного тюркского мира, были уверены, что даже в Казахстане все говорят по-турецки. Но оказалось, что большинство говорило по-русски. С той же ситуацией столкнулись и в Азербайджане, думая инвестировать туда много денег и получить огромные доходы. Денег было вложено немало, а вот дивидендов не оказалось никаких — постсоветские элиты всё просто-напросто украли. В конце 1990-х у турок

началось отрезвление и отход от антироссийского пантюркистского курса (кстати, турецкой экономике помогли удержаться на плаву постсоветские "челноки").

Постепенно отношения теплели. В конце 1997 года был подписан важнейший межправительственный договор между Россией и Турцией, который лёг в основу будущего сотрудничества по строительству газовых трубопроводов.

Но внутриэкономическая ситуация не спешила меняться. Даже в 2000 году турецкая молодежь считала: тут нет будущего, лучше найти родственников в Германии. Ещё осенью 2000-го на улицах Стамбула повсюду спали люди, завернувшись в газеты. Чуть в стороне от центра начинались "поля" из коробок из-под холодильников, ещё чего-то — настоящие трущобы. Так жило до 80% населения Стамбула!

Страна была во власти перманентного экономического кризиса, и люди массово покидали небольшие города и деревни. Ведь ещё с 1950-х годов по Турции гулял дичайший капитализм, разрыв между богатыми и бедными был огромен. Мало что сейчас вспомнить, что, в отличие от СССР у турок никогда не было всеобщего образования, доступных детских садов. Не существовало даже регламента строительства домов на приличном расстоянии друг от друга, чтобы построить хоть какую-то детскую площадку! Турецкое экономическое чудо оказалось возможным благодаря лишь безразмерным иностранным вливаниям. Но эти долги со временем могут стать для страны фатальными.

В 2003 году американцы впервые напомнили о возврате долгов, предложив Турции участвовать в нападении на Ирак. Эрдоган согласился, но ему было необходимо провести голосование в парламенте страны, где 2/3 мест занимали представители его партии. Совершенно неожиданно половина их высказалась против вторжения, к ним присоединились голоса оппозиции. И США получили отказ.

Таким же образом — с помощью процедур демократического голосования — Эрдоган нейтрализовал турецкую армию: источник всех переворотов за последние полвека. Если ранее армия являлась гарантом конституционного режима и имела право на вмешательство в политическую жизнь страны, то теперь под предлогом приведения конституционных норм под европейские стандарты, она этого права лишилась.

Эрдоган успешно бил и по мелким, и по крупным мишеням: он запретил курение в барах, обеспечил выполнение Копенгагенских критериев, необходимых для вступления страны в ЕС.

Неудивительно, что очередной переворот в Турции (в 2016 году) провалился из-за единого движения народа, вышедшего по призыву Эрдогана на улицы. Мятёж прошёл без поддержки армии, за исключением ВВС (до сих пор, кстати, неясна здесь роль авиабазы Инджирлик). Виновным был объявлен тот самый Гюлен, а всех, кто имел хоть какое-то отношение к провокациям протеста, немедленно арестовали и посадили.

Однако это не означало зажима демократии в стране. На местных выборах оппозиции удалось сместить проправительственных кандидатов почти во всех крупнейших городах: от Стамбула и Анкары до Измира и Анталы. Только в Бурсе прошли ставленники власти.

Надо отметить, что при Эрдогане экономика Турции росла по 8% в год, но с началом военных действий в Сирии ситуация изменилась. При этом один из пиков платежей Турции по гигантскому внешнему долгу пришёлся как раз на 2019 год.

ОШИБКА ПРЕЗИДЕНТА

Рассматривая становление Эрдогана как политика, надо отметить его тесную связь с движением "Братья-мусульмане", которое исторически складывалось не централизованно, а в виде некоей концепции, усилившейся на фоне деколонизации стран Северной Африки и Ближнего Востока в 1950-х годах. Формирование национальных самосознаний шло в Египте, Иране, Сирии. Многие из этих процессов проходили с ориентацией на СССР как на главного противника США.

Арабский национализм был ориентирован также на борьбу с Израилем, но проигрыв в войне с ним внесёт некоторые коррективы в суть и оформление националистических идей. К тому же, широкие массы населения после прихода к власти националистов лучше жить не стали — получить образование и работу по-прежнему было весьма проблематично. В то же время националистическая элита беззащитно кичилась богатством, демонстрируя растущий разрыв между социальными слоями.

Это было связано, естественно, с нефтью. Национализированную нефть ближневосточные режимы стали дружно проталкивать на рынок в неуклоно растущих объёмах. В результате цена упала, и нефть все 1960-е годы и в начале 1970-х стоила копейки. Война 1973 года серьёзно повлияла на нефтяной рынок, и торговать "чёрным золотом" вновь стало выгодно, но к тому времени сменилась ориентация самих режимов.

Появились мусульманские движения, претендующие на истину в последней инстанции. Нефтяные деньги стали по преимуществу вкладываться во всё более ширящийся исламизм: в строительство мечетей, в стипендии для немущих учащихся медресе, куда приглашали студентов из Египта, чтобы выковать из них ваххабитов — мусульманских неопротестантов.

Эти же деньги шли на войну в Афганистане против Советского Союза, гражданскую войну в Алжире. В результате подняло голову мощное военно-политическое исламистское движение, в котором турецкие исламисты видели возможность возродить Османскую империю. Воссоздание империи является одной из идей партии Эрдогана.

Когда началась "арабская весна", турецкие исламисты, считавшие себя старшими братьями всех исламистов мира, её поддержали. Они ожидали для себя больших предпочтений после падения прежних режимов. Отметим, что экономический рост турецкого государства обеспечивался странами Ближнего Востока, ставшими ключевым рынком для сбыта турецкого ширпотреба. За 18 лет правления Эрдогана промышленный экспорт Турции вырос в пять раз! Поэтому молодые арабские демократии после прихода к власти в основном ориентировались на турецкий экономический патронат.

Эрдоган поддержал (пусть и не сразу) борьбу ещё одной "молодой демократии", сирийской, ожидая повторения "арабской весны" и перелома страны под турецкий протекторат. Но Асад оказался сильнее египетских, ливийских и других лидеров. За него встала вся несуннитская элита, которая прекрасно понимала, за что ей стоит воевать: за свою собственность и жизнь, потому что с приходом к власти оппозиции её бы, несомненно, вырезали.

Дезертиры же из сирийской армии воевать не торопились, ожидали, когда война "выиграется" за счёт американской помощи. Но войнкоца не было видно, и Турция стала принимать беженцев.

Газета "Нью-Йорк таймс" писала, что Турция для сирийских беженцев, спасающихся от "кровавого мясника" Башара Асада, построила лагеря, которые сравнимы с пятизвёздочными отелями, где прекрасно кормят и дают образование. Турки делали это с целью вербовки беженцев и отправки их обратно — на войну с Асадом. Но беженцы предпочитали этой войне перемещение в Европу.

Вскоре турки стали регламентировать потоки и отправлять прибывших в фильтрационные лагеря на предмет выявления ипловцев". После этого беженцев распределяли по наиболее бедным провинциям.

В последнее время свежеприбывших нелегалов склоняют к выезду в курдский Африн, где для них турками создана вся необходимая инфраструктура: дороги, дома, мечети, школы, больницы...

Попытки создать свободную сирийскую армию на демократических началах предпринимали и американцы, потратив на её вооружение около пяти миллиардов долларов. И их нисколько не смущало, что собирающиеся воевать были вовсе не "молодыми демократами", а головорезами-исламистами. Сирию заполнили толпы джихадистов из Ирака, Саудовской Аравии, Афганистана... Турки тут тоже в стороне не остались и организовали заброску 50 000 уйгуров, включая членов семей (непосредственно боевиков из них было около 5000). "Исламское движение восточного Туркестана", о котором недавно говорилось применительно к Сирийской войне, — это уйгуры.

ТЯЖЁЛЫЕ ВРЕМЕНА

Но участие в этих авантюрах оставило Турцию у разбитого корыта. С Египтом, который был огромным рынком для турецких товаров, отношения (даже дипломатические) оказались прекращены. С Сирией — тоже, да и торговля не идёт. На беженцев турки истратили, по разным подсчётам, порядка 30 млрд. долл., и расходы эти растут. Отчасти их покрывает Евросоюз, который Турция постоянно шантажирует новым нашествием мигрантов. Тем более, что на турецкую территорию, как в рай земной, бегут не одни сирийцы, но и тысячи афганцев, и многие другие. Ведь любой притесняемый мусульманин, согласно политике Эрдогана, может найти убежище в Турции. Это привело к известным проблемам с выдачей экстремистов — пока, увы, нерешённым.

Крупным рынком сбыта для Турции была Саудовская Аравия. Но из-за войны в Сирии 25 миллионов финансово обеспеченных саудитских потребителей были отрезаны от турецкой продукции. Раньше фуры ехали по территории Сирии до Иордании и оттуда в Саудовскую Аравию. Этот путь был закрыт, отправлять товары через Ирак тоже было нельзя. Поэтому фуры стали загружать на парома в Израиль, потом они ехали в Иорданию и дальше в Саудовскую Аравию, что увеличило затраты на транспортировку в три раза.

Экономических партнёров у Турции осталось совсем немного, и США прижимают страну к стенке, настаивая на прекращении любых экономических отношений с Ираном, а с ним у Турции союз длится уже 40 лет. Если посмотреть статистику приобретения недвижимости в Турции гражданами иностранных государств, то на первом месте будут граждане Исламской Республики Иран.

Турция закупает у Ирана газ, но из-за устаревших технологий труба работает только летом, поэтому турки вынуждены строить подземные хранилища. Это — к вопросу о том, почему у России пробуксовывают отношения с Ираном. Потому что мы торгуем одним и тем же товаром, то есть мы конкуренты.

Главный оставшийся союзник Турции на Ближнем Востоке — Катар, он поставяет скинженный газ. По договорённости с Сирией Катар даже построил газопровод метровой диаметра от границы с Иорданием до Турции, однако проект вынужденно заморожен до разрешения конфликта с Саудовской Аравией, а это, видимо, надолго.

Вообще, отношения Турции с монархиями Персидского залива весьма напряжены. Так, в конце августа этого года Национальная разведывательная организация Турции раскрыла шпионскую сеть Объединённых Арабских Эмиратов, работавшую в Турции при поддержке ЦРУ. Представители турецкой разведки утверждают, что цель развёртывания данной сети — попытка дестабилизации Турции, Ирана и Катара.

Экономическое же сотрудничество России с Турцией остаётся по-прежнему взаимовыгодным: у них есть курорты и ширпотреб, мы же продаём им нефть и газ. Причём торговый баланс складывается в пользу России: при общем объёме торгового-экономических отношений в 23 млрд. долл. мы продаём туркам на 19, а покупаем на 4.

Почему пока в долларах, а не в национальных валютах? Для второго варианта необходим приблизительно равный баланс. Но от доллара надо уходить, создавая свою евразийскую платёжную систему. А пока Турция покупает необходимое за валюту у России, и это только наращивает её внешний долг: не только государственный, но и корпоративный.

Конечно, заказчики убийства посла России в Турции Андрея Карлова ставили целью окончательный разрыв отношений между нашими странами. Но турки настолько пошлы на сотрудничество со следствием, что мы приняли версию о непричастности турецкого правительства к этому злодеянию.

Американцы, разумеется, давят на турок, чтобы те меньше покупали "тоталитарного" российского газа, а больше "демократического" — заокеанского. Комплекс проблем для разрушения отношений с Америкой у Турции, конечно, давно назрел. Другое дело, может ли Россия реально заменить Америку в качестве основного партнёра для Турции? Хотим ли мы Турцию включить в Евразийский Союз? Пока об этом речи не идёт, и геополитическая задача Турции остаётся прежней: лавировать между Западом и Востоком, между Россией и США, — по принципу "вашим и нашим".

Но у американцев в Турцию куда больше любви, чем у России. Россия — это вообще независимое государство, по сравнению с Турцией, да бизнесмены полностью "завязаны" на Запад и часто имеют гражданство США. Их жёны специально выезжают туда рожать, чтобы дети стали американскими гражданами.

Несмотря на потепление отношений с Россией, Турция по-прежнему воспринимается нами больше как противник, но надо отметить, что после ввода российского контингента войск в Сирию туркам стало абсолютно ясно, что тягаться с Россией невозможно.

Российские санкции за сбитый самолёт вызвали в Турции глубокий экономический кризис. Терпел огромные убытки туристический бизнес.

К тому же, выяснилось, что только Россия и Турция (а вовсе не женевикие оновцы) способны к реальному урегулированию сирийской проблемы, поскольку они смогли посадить за стол переговоров и оппозицию, и власть. Первые уговорили турки, вторых — наша сторона. В Жёневе же все наблюдало бесполокную безготно Стаффана де Мистури между тремя комнатами с равно непримиримыми переговорщиками: властью, оппозицией и так называемыми умеренными "оппами".

По большому счёту, у России в Сирии есть лишь один враг — американцы. Они продолжают наускивать во все стороны курдов, в том числе — живущих в Сирии, потому что при Османской империи, как известно, никакой границы между Сирией и Турцией не было.

** Организации, запрещённые в России.*